

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 7 / 2025, Vol. 5, Iss. 7 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК 821.161.1

¹Атаева Д.М., ¹Кадырова К.А.

¹Дагестанский государственный университет

О некоторых особенностях поэтики книги А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»

Аннотация: в статье рассматриваются ключевые аспекты поэтики «Архипелага ГУЛАГ» А.И. Солженицына – произведения, ставшего не только литературным, но и историческим памятником эпохи советских репрессий. Особое внимание уделяется новаторскому характеру книги, сочетающей черты художественного повествования, документального исследования и публицистики. Авторы анализируют место «Архипелага ГУЛАГ» в контексте лагерной прозы, творчества Солженицына и мировой литературы XX века, подчеркивая его роль в развенчании мифов о советской системе.

Центральное место в исследовании занимает анализ заглавия, которое метафорически отражает суть ГУЛАГа как «архипелага» – разрозненной, но единой системы лагерей, существующей параллельно с «большой землей». Рассматривается проблематика произведения, включающая вопросы дегуманизации личности в условиях тоталитаризма, духовного сопротивления и нравственного выбора. Важное значение придается системе образов, где каждый персонаж, будь то жертва, палач или свидетель, становится частью масштабной трагедии.

В статье детально исследуются субъектно-объектные отношения, позволяющие Солженицыну совмещать личный опыт с исторической хроникой. Особый акцент сделан на пространственно-временной организации текста: лагерный хронотоп представлен как замкнутый антимир, где время течет иначе, а пространство ограничено колючей проволокой. Анализируется также взаимодействие «своего» и «чужого» слова в повествовании, где голос автора соседствует с свидетельствами узников, документами и даже языком пропаганды.

В качестве идейного стержня выделены две взаимосвязанные темы: разрушение человеческой души в условиях насилия и ее возможное возрождение через духовное прозрение. Авторы подчеркивают, что Солженицын не ограничивается обличением системы – он предлагает читателю путь осмыслиения трагедии, основанный на христианских ценностях и исторической памяти. Роль автора трактуется как многосторонняя: он выступает и как летописец, и как исследователь, и как проповедник, что сближает «Архипелаг» с традициями древнерусской литературы и библейской притчи.

Статья опирается на труды ведущих литературоведов (Ж. Нива, А. Урманов, В. Курицын), а также на сопоставительный анализ с другими произведениями лагерной темы (В. Шаламов). Отмечается, что «Архипелаг ГУЛАГ» остается актуальным не только как исторический документ, но и как художественный текст, где форма и содержание образуют уникальный синтез.

Работа представляет собой систематизированное исследование поэтики Солженицына, включающее жанровый, структурный и семантический анализ. Материалы статьи могут быть полезны филологам, историкам и всем, кто интересуется литературой о тоталитаризме и проблемами художественного осмыслиения трагических событий XX века.

Ключевые слова: Солженицын, «Архипелаг ГУЛАГ», поэтика, лагерная проза, тоталитаризм, хронотоп, система образов, авторская позиция, историческая память

Для цитирования: Атаева Д.М., Кадырова К.А. О некоторых особенностях поэтики книги А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 7. С. 18 – 24.

Поступила в редакцию: 23 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июня 2025 г.; Принята к публикации: 27 июня 2025 г.

¹Ataeva D.M., ¹Kadyrova K.A.

¹Dagestan State University

On some features of the poetics of A.I. Solzhenitsyn's book "The Gulag archipelago"

Abstract: the article examines the key aspects of the poetics of "The Gulag Archipelago" by A.I. Solzhenitsyn – a work that has become not only a literary but also a historical monument of the era of Soviet repression. Special attention is given to the innovative nature of the book, which combines features of artistic narrative, documentary research, and journalism. The authors analyze the place of "The Gulag Archipelago" in the context of camp prose, Solzhenitsyn's oeuvre, and 20th-century world literature, emphasizing its role in debunking myths about the Soviet system.

A central focus of the study is the analysis of the title, which metaphorically reflects the essence of the Gulag as an "archipelago" – a fragmented yet unified system of camps existing parallel to the "mainland." The work's thematic concerns include issues of dehumanization under totalitarianism, spiritual resistance, and moral choice. Significant importance is attributed to the system of images, where each character, whether a victim, executioner, or witness, becomes part of a larger tragedy.

The article investigates subject-object relationships that allow Solzhenitsyn to merge personal experience with historical chronicle. Particular emphasis is placed on the spatial-temporal organization of the text: the camp chronotope is presented as a closed anti-world, where time flows differently and space is confined by barbed wire. The interaction of "own" and "alien" voices in the narrative is also analyzed, where the author's voice coexists with testimonies of prisoners, documents, and even propaganda language.

Two interrelated themes are highlighted as the ideological core: the destruction of the human soul in conditions of violence and its possible revival through spiritual awakening. The authors emphasize that Solzhenitsyn does not limit himself to denouncing the system – he offers the reader a path to understanding the tragedy based on Christian values and historical memory. The role of the author is interpreted as multifaceted: he acts as a chronicler, researcher, and preacher, linking "The Archipelago" to the traditions of ancient Russian literature and biblical parable.

The article draws on the works of leading literary scholars (Zh. Niva, A. Urmanov, V. Kuritsyn) and includes a comparative analysis with other works on the camp theme (V. Shalamov). It is noted that "The Gulag Archipelago" remains relevant not only as a historical document but also as a literary text, where form and content create a unique synthesis.

This work represents a systematic study of Solzhenitsyn's poetics, encompassing genre, structural, and semantic analyses. The materials of the article may be useful for philologists, historians, and anyone interested in literature about totalitarianism and the artistic interpretation of the tragic events of the 20th century.

Keywords: Solzhenitsyn, "The Gulag Archipelago," poetics, camp prose, totalitarianism, chronotope, system of images, author's position, historical memory

For citation: Ataeva D.M., Kadyrova K.A. On some features of the poetics of A.I. Solzhenitsyn's book "The Gulag archipelago". Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (7). P. 18 – 24.

The article was submitted: May 23, 2025; Approved after reviewing: June 11, 2025; Accepted for publication: June 27, 2025.

Введение

В последнее время творчество А. Солженицына, хоть и с опозданием, заняло прочное место в литературном процессе, стало явлением русской и мировой культуры. Его произведения «Один день Ивана Денисовича», «В круге первом», «Архипелаг Гулаг» открыли запретную прежде тему репрессий, задали новый уровень художественной правды. К числу самых известных его работ, имеющих огромное значение, относится «Архипелаг ГУЛАГ».

Цель исследования: Изучение особенностей поэтики книги А. Солженицына «Архипелаг Гулаг».

Материалы и методы исследований

Объектом исследования является произведение А. Солженицына «Архипелаг Гулаг». Методологическую основу составляют изучение этого произведения крупными литературоведами. Об особенностях жанра и композиции следует особенно выделить труд предшествующих исследователей, которые проделав огромную работу вносили новые стороны в освещении данной проблемы. Нами же был систематизирован материал, полученный в ходе исследования предшествующей исследовательской литературы и самого текста художественного произведения.

Для определения методов исследования необходим комплексный подход. Можно выделить следующие методы: источниковедческий, структурный, семантический и композиционный анализ, сопоставительный, сравнительный и типологический.

Это обобщающее произведение, в котором с болью и особым накалом говорится о величайшей народной трагедии. Эта книга знакомит читателей с лагерным миром, властью и идеологией, породившей его. Это «энциклопедия лагерной жизни». Создать труд такого масштаба стало возможным благодаря собранному автором обширному историческому материалу, его личному опыту и показаниям свидетелей, бывших узников советских концлагерей (227 человек, а после доработки в 1979 году число их доросло до 257). «Если для писателей-соцреалистов подлинной историей советского государства была череда «великих свершений» и «побед», то для автора «Архипелага» единственно реальной историей страны Советов является «история нашей канализации», то есть ГУЛАГа, всё же остальное – жалкие декорации, камуфляж. Таким образом, А. Солженицын ставил перед собой очень масштабную задачу – рассказать подлинную историю первого «рабоче-крестьянского» государства» [1, с. 209-210].

Результаты и обсуждения

А. Солженицын говорил, что в своей книге он выступил в роли «летописца лагерной жизни», и это авторское высказывание имеет не только переносный, но и буквальный смысл.

«Архипелаг ГУЛАГ», действительно, имеет сходство с таковой жанровой формой древнерусской литературы, как летопись. Как известно, в летописные своды включался весьма пёстрый и разнородный материал: хроника наиболее значительных событий русской истории, сказания, легенды, апокрифы, «жития», «хождения», фольклорный материал, греческие исторические хроники и т.д.

Автор «Архипелага» тоже организовывает весь собранный и разнотипный материал в подобие грандиозного «летописного свода», в характерное для древнерусской летописи «анфиладное построение».

Но есть и иная точка зрения, некоторые критики считают, что попытка причислить это произведение только к летописи не всегда оправданна: «Историческая точность Солженицына далека от бесстрастной объективной летописи событий. При всей верности документам, воспоминаниям, письмам страстное неприятие кровавых ужасов истребления собственного народа отличает главную книгу Солженицына-публициста «Архипелаг ГУЛАГ» от того, что делали историки до него» [2, 4].

Говоря об особенностях поэтики, в первую очередь нужно обратить внимание на раскрытие смысла заглавия для понимания сути произведения. Заглавие – это не только синтаксическая позиция, но и особенный элемент текста, который сочетает несколько функций. Так и заглавия произведений А.И. Солженицына своеобразны и обращают на себя внимание, часто они метафоричны. Критик В. Курицын отмечает: «Что мы можем сказать о собственно метафоре архипелага, вынесенной в название книги? <...>. Речь идет о мистической или виртуальной стране, существующей наравне с реальной страной № 1 – как в силуэтах града земного может просвечивать град небесный. <...> работает большое количество не увязываемых в единых целых законах, указах, юридических институтций, в провалах между которыми осуществляется тотальное наказание» [3, с. 167-168].

Автор сразу же четко обозначает хронотоп произведения. Действие будет разворачиваться в лагерном мире. Но такой заголовок имеет и чисто символическое значение. Читатель понимает, что породило таинственный Архипелаг: власть и идеология, а если смотреть шире – то это вся страна, принявшая этот самый лагерный мир. На это особое внимание уделялось в работах современных исследователей, как П. Паламарчук, А.В. Урманов, В. Курицын и А. Ранчин. Опираясь на точное лексическое значение слов, составляющих название, можно объяснить его метафоричность: ГУЛАГ – Главное Управление Лагерей и обобщающее слово, которым автор называет лагерную страну, лагерный мир, трагический символ эпохи репрессий. На соотнесенность «Архипелага ГУЛАГа» с «Одиссеей» обратил внимание Ж. Нива: «Можно сказать, что весь предшествовавший мир, вся человеческая история до ГУлага служит метафорой ГУЛАГовской вселенной. И в первую очередь Одиссея Гомера, с ее эгейской экуменой, ее островным архипелагом, которого каждое

утро касаются персты Эос-Зари. У Солженицына одиссея приобретает зловещий смысл, архипелаг уходит в подполье, корабли его – смрадные «вагон-заки», «каравана невольников» [4, с. 184].

Итак, заглавие в «Архипелаге ГУЛАГ» передает проблему произведения и представляет основную тему, что позволяет читателю иметь представление о круге жизненных явлений, которые отражены автором в нем. Не только название книги, но и подзаголовки глав служат выражению авторской концепции.

Заявленный в названии вектор реализуется в проблематике. Описывая процедуру попадания за стены ГУЛАГа, Солженицын дает читателю прочувствовать отчаяние ни в чем не повинных людей, у которых даже своей политической убежденности в неправомерности происходящего нет. И тут автор показывает, как одинок человек в такой ситуации и почему он одинок.

Автор передает атмосферу враждебности, недружелюбия, описывает ряд важнейших способов, которые используются для вербовки стукачей на воле и в заключении (а позже продемонстрирует и освобождение от их гнета в главах о забастовке-голодовке зэков).

Каждая глава каждого тома поднимает ряд проблем, раскрывая то, о чем нельзя было даже упоминать. Из Посвящения: «всем, кому не хватило жизни об этом рассказать. И да простят они мне, что я не все увидел, не все вспомнил, не обо всем догадался» [5, с. 5].

Автор также поднимает проблему прав и свобод отдельной личности в тоталитарном государстве, которое он называет Драконом, а порожденную им сеть тюрем и лагерей представляет, как раковую опухоль на теле страны.

В главе 6 («Та весна») 1-го тома он пишет уже не о политических, а о пленных, которые вернулись на родину, только для того чтобы продолжить сидеть в лагерях. Их везли этапами, кого-то оставляли ненадолго, но своей судьбы им не удалось избежать. Здесь есть подробные рассуждения не просто героя-повествователя и свидетеля, но ученого, который указывает, что даже в языке ошибка и эти люди не изменники родине и изменники родины: «Это были не изменники ей «родине», а ее изменники. Не они несчастные изменили Родине, но расchetливая Родина изменила им, и притом трижды. И теперь третий раз бессовестно она их предала, заманив материнской любовью («Родина простила! Родина зовет!») и накинув удавку уже на границе» [5, с. 219].

В лагерях эти пленные, как и политические, становятся ненавистны всем, даже «блатарям» внушают, что они преступники, но не враги народа.

В критике Солженицына обычно противопоставляют Шаламову, но «В «Колымских рассказах» человека спасают (если спасают) культура, интеллект, одинокое противостояние злу. В «Архипелаге» в той же роли выступают религия, общественное мнение, семейная и родовая память» [6, с. 224].

В первом же томе поднимаются вопросы верующих, которые терпят постоянные притеснения и молча, погибают, не отступив от своей веры и сохранив себя и свои убеждения. Трудно не почувствовать глубокую симпатию и уважение к тому, что эти невинно-осужденные, преследуемые, гонимые властями люди продолжают поддерживать друг друга, остаются людьми (священника отца Иеракса после возвращения из поездки должны были задержать, но прихожанки не допустили его домой, 8 лет перепрятывали с квартиры на квартиру) [7, с. 17].

Вторая часть описывает пути, которыми добираются заключенные в страну ГУЛАГа. В этом непростом путешествии они уже испытывают унижения, власть над ними и блатных и конвоиров (описание этапов и собственный опыт).

Второй том содержит главы, посвященные женщинам, детям и инвалидам в лагерях.

Поднимается проблема детского труда. В лагерях и детям не просто, ведь теперь уже с 12 лет они получают сроки наравне с взрослыми. Им посвящена глава 17 «Малолетки», в которой описывается положение младших детей и тех, кто постарше. Малолетки в лагере – это отдельная сила, а их сплоченность и отсутствие нравственных ограничений (откуда бы им взяться в лагере, где царит атмосфера правоты, только сильного и отсутствия нравственности вообще) делают их опасными и жестокими. В детях воспитываются новое поколение людей, для которых воры – пример для подражания [10, с. 81].

Положение женщин в лагере не лучше. Они беззащитны перед насилием, жестокостью и нравами ГУЛАГа. Проблема материнства: родится ли ребенок здоровым, дадут ли увидеться с ним потом, что его ждет? Множество подобных вопросов встает перед будущей матерью здесь. Автор показывает, какие причины толкают женщин рожать в неволе: желание этим доказать свое существование, иметь что-то дорогое или же просто иметь послабление в содержании (блатные зэчки рисуются лишенными материнского инстинкта, а доказательством тому служит чудовищная сцена на ташкентском вокзале мамка бросила с размаху ребенка на каменный пол). Матери-заключенные не матери вовсе, а мамки. Где окажется ребенок такой женщины в детдоме или же попадет в другую семью? Она этого не будет знать.

Важнейшей отличительной чертой солженицынской поэтики являются антиномии, на что, помимо всего прочего, обратил внимание критик А. Ранчин. Именно антиномические соединенные мотивы возрождения и уничтожения образуют смысловой контрапункт текста. А. Ранчин также отметил в своей работе наличие двух мотивов: возрождения и уничтожения слова. Он пишет следующее: «Надругательство над словом – метонимия насилия над телом и душой» [8].

К примеру, автор пытается понять, в чем истоки появления людей-душегубов, как может человек достичь такой степени нравственного падения, почему обостряется душевная черствость, безверие. И вместе с тем, как происходит душевное преображение, что влияет на то, чтобы человек в таких условиях обратился к Богу. В этой связи кульминационной является четвертая часть, которая называется «Душа и колючая проволока». Особенно важной для понимания авторской идеи является первая часть «Восхождение», в которой автор задается вопросом: «неужели в лагере нельзя возвыситься душой?» Отвечает на этот вопрос он, передавая нам судьбы тех особенных людей, которые возвысились душой (Н.К. фон Мекк и А.Ф. Величко).

Жанр «опыт художественного исследования» предполагает ряд особенностей, которые относятся и к Автору, его роли и функциям, так и к персонажам. Система образов исследования «Архипелаг ГУЛАГ» строится особым образом, что позволило задействовать огромное количество не просто персонажей, но довольно ярких образов. Каждый из многочисленных персонажей – особенный человек, имеющий трагическую судьбу и сыгравший свою роль в истории.

Образы можно разбить на «вольняшек» и зэков, которые разделены множеством самых разных черт, в том числе и индивидуализирующих. Но есть и общие черты. Чаще всего встреча с новым персонажем складывается при одних и тех же обстоятельствах: либо рассказчик и персонаж вместе проходят через «Машину», либо он ее орудие. Таким образом происходит и деление на «своих» и «чужих». Автор при необходимости, довольно часто, рисует портрет, причем набрасывает его в нескольких предложении, словно мазки опытного художника ложатся они на полотно исследования Автора-ученого. Социальный статус, роль в общественно-политической жизни страны на период описываемых событий (и не только), поведение при встрече с «Машиной» (судебные инстанции), интересные черты характера, которые при этом удалось выяснить – все это плоды упорного исследования, анализа, кропотливой работы, не только Ученого (социолога, историка, политика и т.д.), но и просто плоды многолетнего труда художника слова, который не просто набирал множество слов, объединенных общностью формы, целей, общей направленности.

По словам Спиваковского, «Архипелаг ГУЛАГ» – это сотрясающая душу, книга о мерзости и величии человеческого духа в ситуации, когда, казалось бы, не может быть места чему бы то ни было, кроме экзистенциального отчаяния. И далеко не случайно, что эта трагически-светлая поэма о народной немоте и боли каждый год переиздается на самых разных языках, снова и снова... Она изменила сознание людей во всем мире. Это важная составляющая культурного багажа современного человека» [9, с. 76].

Таким образом, для анализа системы образов важно отметить огромную роль Автора, который предстает перед читателем сразу и как автобиографический персонаж, и как автор-повествователь. Иногда он уступает место повествователя другим персонажам, чтобы достоверней и полней было содержание (Фан Фаныч, Георгий Тэнно).

Образы в данном исследовании можно противопоставлять друг другу по различным критериям: например, мир воли, где существуют вольняшки (может быть даже временно пока не переведут и их на зону) и мир ГУЛАГа, где отбывают свои сроки зэки. Зэки делятся в свою очередь на привилегированных блатных (настоящие преступники-бытовики) и приблатненных, которым противопоставлены политические (или как их чаще называют враги, фашисты и т.д.).

Мужчины и женщины до какого-то периода находятся вместе, но затем разделяются. Взрослые на зоне подают пример, как нужно выживать в таком мире, и дети прекрасно приспосабливаются (однако у них чувствуется единство, которое отличает их от расчетливых старших, бросающих своих при первой же угрозе) [11, с. 62].

Автор точно передает обстановку при помощи несобственно-прямой речи, повествования от лица автора-повествователя, а также собирательного персонажа Фан Фаныча, что создает эффект многоголосия. Именно это позволяет осветить историю ГУЛАГа, деятельность которого протекала в обстановке строгой секретности.

Жестокий произвол и насилия, бесправие и унижение человеческого достоинства, изощрённые издевательства и каторжный труд описаны подробно, отчетливо и полно выражена авторская позиция. Именно присутствие рассказчика позволяет отличить книгу от документальной хроники. Также автор опасается,

что история может повториться. И это одна из причин, по которой он отказался от Государственной премии РСФСР, присуждённой ему в 1990 г. за «Архипелаг ГУЛАГ».

Проблематика произведения довольно обширна и включает множество, как простых вопросов, так и вечных, имеющих общечеловеческое значение. Отсюда библейские мотивы борьбы добра со злом, причем злом в человеке и вне него.

Система образов так же имеет ряд отличительных особенностей, как, например, большое количество действующих лиц, которые лишь мелькают перед нами, а после мы и не встречаем их нигде, но есть и такие, которые встречаются сразу в нескольких главах. И все это автор делает сознательно, о чем сам же и пишет, образно заявляя о том, что он распределил их судьбы, подчиняя план книги контурам Архипелага.

Выводы

Итак, А.И. Солженицын создает свое произведение, основываясь на принципах Истины, Красоты, Добра. Он пишет и живет «не по лжи». Определяя вслед за автором жанр «Архипелага Гулага» как «опыт художественного исследования», можно увидеть, как органически соединяются в этом произведении временное и вневременное, острая социальная и национальная проблематика и универсализм.

Список источников

1. Урманов А.В. Творчество Александра Солженицына. М.: Флинта, 2004. С. 209 – 210.
2. Княжицкий А.И. На пути к Солженицыну // Русская словесность. 2008. № 5. С. 4.
3. Курицын В. Случаи власти («Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына) // Россия-Russia. Новая серия. М.: Венеция, 1998. Вып. 19. С. 167 – 168.
4. Нива Ж. Солженицын. Перевел с фр. С. Маркиш в сотрудничестве с автором. М.: Художественная литература, 1992. С. 184.
5. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ: 1918-1956: в 3 кн. Опыт художественного исследования. М.: Астрель, 2009. 552 с.
6. Сухих И. Сказание о тритоне (1958-1968) «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына // Звезда. 2001. № 12. С. 224.
7. Цколия К.Р. Размышления о человечности в художественной литературе // Вестник Российского университета дружбы народов. 2023. № 4. С. 170 – 173.
8. Спиваковский П.Е. Академик Александр Исаевич Солженицын (1918-2008) // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. Т. 67. № 6. С. 76.
9. Глухова Н.И. Восприятие пространства несвободы в поэтических произведениях А.И. Солженицына // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2021. Т. 25. № 1. С. 135 – 142.
10. Федотова О.С. Условия успешного коммуникативного взаимодействия «автор-читатель» в письменном дискурсе // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2022. Т. 11. № 6. С. 10 – 13.
11. Ранчин А. «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына как художественный текст: некоторые наблюдения. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/40042.php?PRINT=Y>.

References

1. Urmanov A.V. The Works of Alexander Solzhenitsyn. Moscow: Flinta, 2004. P. 209 – 210.
2. Knyazhitsky A.I. On the Way to Solzhenitsyn. Russian Literature. 2008. No. 5. 4 p.
3. Kuritsyn V. Cases of Power (A.I. Solzhenitsyn's "The Gulag Archipelago"). Rossiya-Russia. New Series. Moscow: Venice, 1998. Iss. 19. P. 167 – 168.
4. Niva J. Solzhenitsyn. Translated from French by S. Markish in collaboration with the author. Moscow: Fiction, 1992. 184 p.
5. Solzhenitsyn A.I. The Gulag Archipelago: 1918-1956: in 3 books. An essay in artistic research. Moscow: Astrel, 2009. 552 p.
6. Sukhikh I. The Tale of the Triton (1958-1968) "The Gulag Archipelago" by A. Solzhenitsyn. Zvezda. 2001. No. 12. 224 p.
7. Tskolia K.R. Reflections on Humanity in Fiction. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. 2023. No. 4. P. 170 – 173.
8. Spivakovsky P.E. Academician Alexander Isaevich Solzhenitsyn (1918-2008). Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Series of Literature and Language. Vol. 67. No. 6. 76 p.
9. Glukhova N.I. Perception of the space of unfreedom in the poetic works of A.I. Solzhenitsyn. Bulletin of the Southern Federal University. Philological sciences. 2021. Vol. 25. No. 1. P. 135 – 142.

10. Fedotova O.S. Conditions for successful communicative interaction "author-reader" in written discourse. Scientific research and development. Modern communication studies. 2022. Vol. 11. No. 6. P. 10 – 13.

11. Ranchin A. "The Gulag Archipelago" by A.I. Solzhenitsyn as a fiction text: some observations. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/40042.php?PRINT=Y>.

Информация об авторах

*Атаева Д.М., кафедра русской литературы, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала,
Jenny2002@list.ru*

Кадырова К.А., кандидат филологических наук, доцент, кафедра русской литературы, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

© Атаева Д.М., Кадырова К.А., 2025